

УДК 94(100)“654”

ББК 63

В11

*Утверждено к печати Ученым советом Института
российской истории Российской академии наук*

Ответственные редакторы:
д-р ист. наук О. В. Будницкий,
д-р ист. наук В. В. Шелохаев

Рецензенты:
д-р ист. наук, д-р юрид. наук А. С. Туманова,
д-р ист. наук Н. М. Рогожин

В11 **В ритме времени: Фронтовик. Учитель. Историк. Памяти
доктора исторических наук Б. С. Итенберга** : Сборник статей
и материалов / [отв. ред. О. В. Будницкий, В. В. Шелохаев]. –
М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 366 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2229-3

Сборник посвящен памяти выдающегося отечественного историка, доктора исторических наук профессора Б. С. Итенberга. Книга состоит из общего введения и трех разделов: воспоминания, статьи, публикации документов из «Архива Б. С. Итенberга». В первый раздел вошли мемуары историков, долгие годы тесно сотрудничавших с ним, и воспоминания трех поколений его семьи: сына, внуков и правнуков. Второй раздел включает статьи, посвященные тематике, которая связана с научными интересами Б. С. Итенberга. В третьем разделе публикуются фронтовые письма к жене и родителям 1943–1945 гг. и документы из фонда Б. С. Итенberга в ОР РГБ.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым России.

УДК 94(100)“654”
ББК 63

ISBN 978-5-8243-2229-3

© Коллектив авторов, 2018
© Институт российской истории РАН, 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

O.B. Будницкий

БОРИС САМУИЛОВИЧ ИТЕНБЕРГ: ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

Борис Самуилович Итенберг прожил долгую, временами очень нелегкую, но в целом счастливую жизнь. Он был счастлив в семейной жизни, занимался любимым делом, вполне реализовал себя профессионально. Ему довелось пережить болезнь и смерть жены, с которой была прожита, можно сказать, вся жизнь. Самому перенести в последние годы жизни тяжелую болезнь, лишившую его возможности работать. А работа – творчество – была для Бориса Самуиловича не просто смыслом жизни, а самой жизнью. Почти в каждом разговоре со мной он в том или ином месте его спрашивал: «Что Вы сейчас пишете?» Того, что кто-то, числящийся по ведомству науки, может не писать, он не представлял. Добавлю, что Борис Самуилович относился к той категории людей, которую американцы называют self-made man – сделавший себя сам. Его отличали редкостная организованность, обязательность и трудолюбие.

Но обо всем по порядку. Борис Самуилович родился 10 февраля 1921 г. в г. Клинцы Брянской области в семье сапожника. Его отец впоследствии работал снабженцем в строительных организациях; мать была домохозяйкой. В 1936 г. Б.С. закончил неполную среднюю школу в г. Климовске Московской области, куда отца перевели по работе, а в 1939-м – среднюю школу в г. Подольске. В августе 1939 г. был зачислен на исторический факультет Московского областного педагогического института (МОПИ).

В то время в МОПИ был превосходный преподавательский состав. Б.С. особенно запомнились лекции профессоров А.И. Козаченко, С.С. Дмитриева, Б.Ф. Поршнева, а также Б.А. Рыбакова по археологии, А.М. Золотарева по истории первобытного общества, Д.Г. Редера по истории древнего мира, семинарские занятия по феодализму С.Л. Морголина. В 1940 г. семинарские занятия по истории России XIX в. стал вести, по воспоминаниям Б.С., «молодой, высокий, худощавый преподаватель» – это был 36-летний Петр Андреев-

вич Зайончковский, только что защитивший кандидатскую диссертацию по истории Кирилло-Мефодиевского общества и не имевший еще ни одной опубликованной работы. Встреча с Зайончковским сыграла решающую роль в становлении Б.С. как исследователя¹.

Молодой преподаватель был полон энтузиазма, вел семинарские занятия с большим увлечением, водил своих воспитанников в недавно открывшуюся Историческую библиотеку, в архивы. Зайончковский стремился привить своим ученикам уважение к историческому факту, научить работать с документами, архивными материалами. «Уже в начале своей творческой деятельности Петр Андреевич в центр исторического исследования... ставил факт, а не тенденциозно задуманную схему». Этот подход в полной мере воспринял Б.С., ставший его первым учеником. Зайончковский предложил Б.С. тему курсовой работы – «Южно-российский союз рабочих»; П.А. исходил, в частности, из того, что в архиве сохранились пять или шесть томов следственных материалов по «Союзу». Из этой курсовой работы впоследствии выросла кандидатская диссертация Б.С. – первая, защищенная под руководством Зайончковского².

Вскоре после начала войны, в конце июня или в начале июля 1941 г., Б.С. был мобилизован на строительство оборонительных рубежей; отряд московских комсомольцев направили на реку Десну, пологие берега которой они под обстрелом мессершмиттов делали отвесными. Неизвестно, насколько эти фортификационные работы затруднили продвижение немецких войск на восток, но, к счастью, обошлось без жертв. Правда, родным в Москве пришлось натерпеться страха. Отправлять письма домой было почему-то запрещено, и, мучаясь неизвестностью, мама Б.С. отправилась в МОПИ в надежде узнать что-нибудь о судьбе сына. Встретившийся ей Зайончковский уверенно произнес основанные лишь на интуиции слова, запомнившиеся на всю жизнь: «Не беспокойтесь, он жив, так же как жив я»³.

В октябре 1941 г. студентов вернули в Москву для завершения образования; правда, оканчивать институт пришлось уже в г. Чкалове (ранее и ныне Оренбург), куда он был эвакуирован в 1942 г. и стал называться, соответственно, Чкаловском. В августе того же года Б.С. был призван в Красную Армию и направлен в Чкаловское артилле-

¹ Итенберг Б.С. Полвека с учителем // П.А. Зайончковский. 1904–1983 гг.: Статьи и воспоминания о нем. М., 1998. С. 101. Наряду с воспоминаниями Б.С. о П.А. Зайончковском при подготовке статьи мною использовались также отдельные заметки Б.С. автобиографического характера. Далее в тексте это специально не оговаривается.

² Там же. С. 101–102.

³ Там же. С. 103.

рийское училище. После окончания училища и присвоения звания младшего лейтенанта Б.С. с октября 1943 г. находился в действующей армии. Б.С., вспоминая училище и последующую военную службу, говорил, что они сделали из него, «маменькиного сынка», мужчину. Во всяком случае, способствовали выработке у него тех качеств, которые отмечают все, знавшие Б.С. – организованности, дисциплины, любви к порядку.

Б.С. получил назначение на должность командира взвода управления 220-го зенитного бронепоезда, затем стал командиром огневого взвода. Он прослужил в этой должности до конца войны, заработав еще одну звездочку на погоны, участвовал в боях на Западном, 2-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах. Войну Б.С. закончил в Восточной Пруссии, под Кенигсбергом. Задачей бронепоезда было огневое прикрытие операций сухопутных войск, а также железнодорожных станций, мостов и других объектов от налетов авиации противника. Б.С. в известном смысле повезло. Бронепоезд основательно разбомбили «только» один раз, и вообще шансов остаться в живых у зенитчика-артиллериста было намного больше, чем у пехотинца или танкиста. Впрочем, кто считает, сколько жизней спасли зенитчики, отгоняя немецкие бомбардировщики от военных и гражданских целей, заставляя их сбрасывать смертоносный груз «в белый свет»?

Не помню уж в каком году, мне, тогда уже сотруднику Института российской истории РАН, было поручено написать очерк о Борисе Самуиловиче для сборника «Ученые Института – ветераны Великой Отечественной войны». Борис Самуилович на мои просьбы рассказать что-нибудь личное, чтобы текст не оказался казенным, отмахивался, но потом признался, что сохранились его письма военного времени, правда, добавил Б.С., «они такие глупые». «Ну, это же и есть самое интересное!» – воскликнул автор этих строк и затребовал упомянутые письма.

Фронтовые письма мужа бережно сохранила жена Б.С., Нина Федоровна; в них, конечно, из-за военной цензуры нет подробностей боевых действий; впрочем, догадливый читатель может понять, что под «псевдонимом» «Борис Петрович» скрывается бронепоезд, а также по некоторым намекам примерно определить его местонахождение. Интерес писем не в этом; они позволяют понять мироощущение молодого человека того времени; в них смешаны наивность и практицизм, житейская наблюдательность и идеализм. Письма с фронта – жене и родителям – публикуются полностью в этом сборнике. Отмечу некоторые любопытные моменты.

Б.С., будучи в действующей армии, подумывал о том, чтобы по возвращении заняться наукой. «С сегодняшнего дня начал регулярно

заниматься языком, я все-таки еще не теряю мысли, Нинуська, опять в науку удариться», – писал он жене 4 июля 1944 г. Спустя месяц с лишним Б.С. пишет: «Все утешение в немецком языке, стараюсь не пропустить ни одного пленного, чтобы с ним не заговорить. Немного получается. Вот уже три дня, как не вижу ни одного «фрица», сижу со словарем и учу слова» (письмо от 13 августа 1944 г.).

Борис Самуилович, родившийся в Клинцах, третью наследия которого составляли евреи, вырос в Подмосковье и был человеком совершенно ассимилированным, человеком русской культуры. Характерно и совсем не удивительно, что практически то же самое можно наблюдать и в случаях других советских военнослужащих-евреев, сформировавшихся уже при советской власти, вдали от бывшей черты еврейской оседлости – он не упоминает об уничтожении нацистами и их пособниками евреев¹. А ведь среди них был его дед, оставшийся в Гомеле. Как говорил мне Б.С., «дед остался сторожить дом; дом уцелел, а деда убили». По-видимому, как и многие другие советские евреи-интернационалисты, он не видел особости судьбы еврейского народа, предназначенному нацистами к полному уничтожению. Это мое предположение, основанное на письмах Б.С. и разговорах с ним о войне. Специально тему Холокоста мы не обсуждали.

Тем интереснее фрагмент его письма родителям, в котором он рассказывает о попытке выяснить «из первоисточника», у немцев, «почему они не любят евреев?»: «И 36-летний фриц, садовник по специальности, с энтузиазмом мне стал рассказывать и я, к радости, понял («к радости» – имеется в виду, что Б.С. разобрал немецкую речь): «Когда Гитлер пришел к власти, то большинство банков, заводов, фабрик и других коммерческих учреждений были у евреев, а для того, чтобы захватить все это, евреев начали расстреливать и на их места сажать немцев», – это близко к истине? – А когда этого твердолобого фрица спросил, знает ли он писателя Фейхтвангера, то он ответил, что не знает, а он окончил 8 классов» (письмо от 13 августа 1944 г.).

В этом фрагменте любопытны два момента: во-первых, стремление найти рациональное объяснение нацистской юдофобии, во-вторых, интеллигентская вера в просвещение. В «подтексте» просматривается мысль: прочти «твердолобый фриц» Лиона Фейхтвангера, возможно, это бы как-то на него повлияло. Садовник, даже если бы захотел, вряд ли смог прочесть «Еврея Зюсса» или «Иудейскую войну», как и другие романы антифашиста и вдбавок еврея Фейхтвангера; его книги в Германии были запрещены и по большей части сожжены.

¹ Budnitskii O. The Intelligentsia Meets the Enemy: Educated Soviet Officers in Defeated Germany, 1945 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2009. Vol. 10. No. 3. P. 647–656.

Одно из самых интересных писем Б.С. – о Германии, в которую он въехал в марте 1945 г. на бронепоезде.

«Германию, эту проклятую страну, – я увидел.

Увидел разрушенные дома; брошенную мебель; мостовые, аккуратно обсаженные деревьями; библиотеки с новыми, нечитанными книгами; и много других мелочей, говорящих о жизни неслыханно хорошей, какой жили эти паразиты. Едва ли, Нинуська, можно описать, что увидел я несколько часов спустя. В домах все осталось, особенно поражает обстановка, какие кресла, диваны, гардеробы, как они жили! Что нужно было им еще?! Они хотели войны, они ее получили. Немцев в городе (о котором ты можешь узнать – поняла?) почти нет, есть французы, итальянцы.

Дорогая Нинуська, когда видишь всю эту обстановку, с одной стороны, жалко эту разбитую мебель, посуду, но с другой, когда вспомнишь, как они жгли и ломали наше русское добро, то хочется мстить даже на этой (так в тексте. – О.Б.) мебели, ведь это немецкая мебель, ведь на ней сидел фриц!» (25 марта 1945 г.).

Письмо это опять-таки весьма характерно. Во-первых, рационализмом, представлением о том, что люди воюют прежде всего за нечто материальное, за вещи, ценности. Во-вторых, яростью: почему они, жившие такой «неслыханно хорошей» жизнью, напали на нашу, в общем-то бедную, страну? Это впечатление москвича, жившего «неслыханно хорошей» жизнью по сравнению с подавляющим большинством соотечественников. Что же говорить о парнях из «глубинки», добравшихся до «проклятой Германии»? Не удивительно, что красноармейцы, прошедшие через разграбленные и выужженные оккупантами территории России, Украины и Белоруссии и жаждавшие мести, при виде этой «другой жизни» приходили просто в неистовство. И мстили отнюдь не только мебели.

Город, о котором писал Б.С., – Гумбиннен. Он был totally разграблен и разгромлен бойцами Красной армии. Б.С. увидел уже последствия этого. По его словам, на самом деле в домах оставалась не мебель, а «скелеты мебели»: кожа была аккуратно срезана и, очевидно, отправлена домой. Ведь согласно приказу Сталина бойцам и командирам Красной армии с января 1945 г. было разрешено отправлять на родину посылки с трофеями. Домой Б.С. привез единственный трофей – чайный сервиз. Бойцы откопали его в саду покинутого обитателями дома и принесли командиру, объяснив, что им в деревне такой сервиз точно ни к чему. Был еще велосипед, но когда Б.С. возвращался из армии после демобилизации, его украли. «Немцы?» – спросил я. «Ну что Вы, – ответил Б.С., – конечно, наши сперли». По его словам, на территории Германии, оккупированной Красной армией, было совершенно безопасно: «проиграли, все, ко-

нец». Иное дело Прибалтика, где ему тоже довелось послужить: там ходить в одиночку не рекомендовалось.

Рассказы и письма Б.С. сыграли неожиданную роль в моей научной биографии. В 2006 г. мой американский коллега и друг Майкл Дэвид-Фокс (разговор происходил за кружкой пива – а чего же еще? – во Франкфурте-на-Майне) рассказал мне, что журнал *Kritika*, одним из основателей и редакторов которого он был, организует в Берлине семинар на тему о «переплетении», взаимосвязи судеб России и Германии в XX в. Майкл спросил, нет ли у меня чего-нибудь на эту тему. Я ответил, что никогда ничем похожим не занимался, правда, вот недавно пришлось поработать с письмами советского офицера о пребывании в Германии в 1945 г., и если удастся найти еще что-нибудь об этом, может быть, получится доклад. Материалов нашлось более чем достаточно, доклад получился, а затем и статья о советских офицерах-интеллектуалах в Германии в 1945 г. Это моя лучшая и, во всяком случае, наиболее цитируемая англоязычная статья. С тех пор и занимаюсь социальной историей Второй мировой войны. Толчком к чему послужили разговоры с Б.С.

В декабре 1945 г. Б.С. был уволен в запас, говоря языком казенной биографии, «как гражданский специалист с положительной аттестацией». А уже в феврале 1946 г. стал работать преподавателем истории в одной из школ г. Перово Московской области, в августе того же года 25-летний фронтовик был назначен директором 1-й Перовской средней школы рабочей молодежи. В этой должности он проработал 11 лет. Б.С. пришлось быть не только школьным администратором и учителем, но и стать «прорабом» – это учебное заведение стало первой в СССР школой рабочей молодежи, для которой было построено собственное здание. Оно до сих пор служит верой и правдой; однако теперь вместе с бывшим городом Перово «переехало» в Москву.

Среди учащихся школы были и фронтовики, и те, кто из-за войны не смог получить среднего образования. В основной массе, вспоминал Б.С., учащиеся стремились к знаниям, многие из них были действительно волевыми людьми – работать и учиться было трудно. Многие из воспитанников Б.С. поступили впоследствии в высшие учебные заведения, стали директорами и главными инженерами заводов, начальниками цехов. Школа работала в две смены – кто работал во вторую смену на заводе, занимался утром. Правда, по утрам директора в школе, как правило, не бывало – он занимался в библиотеке имени В.И. Ленина.

Молодой директор работал с энтузиазмом; школа была хорошо для своего времени оснащена приборами, наглядными пособиями, имела собственную библиотеку. Не случайно она неизменно отмечалась как одна из лучших в Московской области. Директор был строг; за об-

наруженные в парте семечки могли немедленно исключить; правда, потом, как правило, все-таки принимали обратно. Самое сложное, по воспоминаниям Б.С., было провести выпускной вечер без происшествий; ученики в целом неплохо зарабатывали, событие они нередко начинали отмечать загодя, бывали и драки. Но директора побаивались, и его присутствие служило гарантией порядка. Как-то раз, уже год спустя после ухода Б.С. в Институт истории, его пригласили на выпускной вечер. После первых двух тостов ученики, изрядно «подогретые», расшумелись и не очень обращали внимание на нового директора, пытавшегося ввести выпускное действие в более-менее формальные рамки и провозгласить очередной тост. Тогда встал Б.С. и поднял вверх два пальца. Полторы сотни взрослых мужиков немедленно замолчали. Б.С. считал это своим величайшим педагогическим триумфом.

Работа в школе развila в Б.С. качества психолога и «физиономиста»; нередко ему случалось распознавать человеческие качества и даже профессиональные задатки по короткой беседе или даже... по фотографии. Так, он с гордостью вспоминал, как способствовал приему в аспирантуру Института истории В.В. Шелохаева; вступительный реферат, присланный молодым человеком из провинции, производил достаточно неопределенное впечатление; тогда Б.С. попросил показать ему фотографию и, увидев смысленные, живые глаза, точно определил: «Из этого будет толк!»

После войны возобновились отношения с учителем – П.А. Зайончковским, который добровольцем пошел на фронт, но воевал в других местах, нежели Б.С. По настоянию Зайончковского Б.С. попытался поступить в аспирантуру МОПИ, чего делать поначалу не собирался – многое было позабыто за годы войны. В институте к Б.С. отнеслись не очень доброжелательно; «да и сам я был не очень готов ответить на все вопросы», – самокритично вспоминал он. Так или иначе, но в аспирантуру его не приняли; однако благодаря поддержке проф. А.И. Козаченко разрешили прикрепиться к кафедре истории СССР для сдачи кандидатского минимума и защиты диссертации.

Темой диссертации стала история «Южно-российского союза рабочих»; тема была актуальна и обеспечена архивными материалами. Уже в работе над диссертацией, из которой выросла впоследствии монография, выдержавшая два издания (1954, 1974), проявились такие черты исследователя, как щадительная работа с источниками; разумеется, Борис Самуилович подходил к интерпретации материала, как и все советские историки, с «марксистско-ленинских» позиций. Однако в рамках этого подхода были возможны разные варианты: кое-кто предпочитал идти не от фактов к выводам, а подгонять фак-

ты под заранее сформулированную концепцию, не противоречащую высказываниям классиков.

«Непримиримость к искажению подлинных исторических реалий была важным принципом в исследованиях Зайончковского, – вспоминал Б.С. о своем наставнике. – Этот принцип Петр Андреевич неукоснительно стремился внедрять в сознание своих учеников. И не было пощады тому, кто в угоду задуманной схеме “подправлял” фактический ход дела, отбирал только нужные факты для характеристики изучаемого явления»¹.

Б.С. вполне воспринял принципы своего учителя и, добавлю, всегда требовал того же от своих учеников. Слово «честность» в отношении к историческим исследованиям, пожалуй, являлось одним из наиболее часто употребляемых Б.С. Глубокое впечатление на него произвел разговор с С.С. Дмитриевым вскоре после войны. Возвращаясь домой в электричке (Дмитриев жил тогда в Кускове, Б.С. в Чухлинке), они обсуждали только что вышедшую книгу М.В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» (М., 1947). Сергей Сергеевич произнес фразу, запомнившуюся Б.С. на всю жизнь: «Да, конечно, Милица Васильевна талантливая женщина. Ведь взялась доказать, что Грибоедов был декабристом, и доказала. А если говорить серьезно, то, конечно, никаким декабристом он не был»².

В июне 1950 г. Б.С. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Южно-российский союз рабочих – первая пролетарская организация в России» в Московском государственном университете. Первым оппонентом согласилась выступить член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова, вторым был П.С. Ткаченко. Естественно, что молодому кандидату наук хотелось работать в высшем учебном заведении. Однако устроиться на работу еврею в разгар антисемитских кампаний («борьбы с космополитизмом», затем «дела врачей») оказалось практически невозможно. Б.С. ездил как-то раз в Рязанский педагогический институт, где открылась вакансия, беседовал с зав. кафедрой, казалось, его берут, но увы... В 1954 г. вышла первая монография Б.С., но он по-прежнему работал в школе рабочей молодежи.

В 1957 г., через два месяца после «зубодробительного» постановления ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории”», умерла редактор журнала академик Анна Михайловна Панкратова, с которой у Б.С. были связаны «самые светлые воспоминания». Однако это печальное событие имело для Б.С. неожиданные последствия. В Институте истории АН СССР после смерти Панкратовой открылась вакансия,

и Б.С. был приглашен на работу туда в качестве младшего научного сотрудника. Официально он приступил к работе 16 июля 1957 г.¹ Вся последующая трудовая биография Б.С. прошла в Институте истории. Предполагалось, что Б.С. займется темой народничества, с которой после XX съезда КПСС было снято «табу». Б.С. был зачислен в сектор истории СССР периода капитализма, которым тогда руководил Л.М. Иванов. Он быстро «вошел в тему» и с тех пор более чем на 30 лет «постригся в народники».

В это время готовилась всесоюзная конференция по истории народничества с докладом Б.П. Козьмина «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России». Обширный ротапринтный текст доклада (4 печатных листа) в количестве 100 экземпляров находился в секторе. Намечаемая конференция не состоялась, но доклад Козьмина был опубликован в «Исторических записках», положив начало пересмотру роли народничества, которое трактовалось на протяжении примерно 20 лет преимущественно как «злейший враг марксизма». К сожалению, переживавший в то время творческий подъем Козьмин умер в 1958 г.

К этому времени в секторе сформировалась небольшая группа сотрудников, взявшихся за изучение народничества: Эмилия Самойловна Виленская, Вера Филипповна Захарина, Валентина Александровна Твардовская. Интерес к изучению народничества проявлялся и в Москве (М.Г. Седов, Е.Г. Плимак и др.), и в Ленинграде, где в самые трудные для этого направления времена сумел высказать о народничестве, по выражению Б.С., «более или менее здравые мысли» Ш.М. Левин. Не забыл эту тему и С.Н. Валк; из более молодых историков к изучению народничества обратились С.С. Волк, В.Н. Гинев и др. Народничество начали изучать в Киеве, Петрозаводске, Тамбове, Воронеже, Тбилиси, Нальчике, Кишиневе.

«Это стихийное движение научной мысли, распространившееся чуть ли не по всему Союзу, требовало какого-то координационного центра, тем более что было с кого брать пример», – вспоминал Б.С. Пример подала академик М.В. Нечкина, организовавшая исследовательскую группу по изучению революционной ситуации в России в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Группа получила официальный статус в январе 1958 г. Регулярные, хорошо организованные заседания привлекали ученых не только Москвы, но и других городов. Авторитет академика позволил наладить издание внушительных сборников работ этой группы.

¹ Итенберг Б.С. Полвека с учителем. С. 102.

² Там же.

Три года спустя, 30 января 1961 г., состоялось первое заседание Группы по изучению общественного движения пореформенной России при секторе истории капитализма. Группа была образована по инициативе заведующего сектором Л.М. Иванова. Возглавил Группу младший научный сотрудник Итенберг. Ученым секретарем Группы стала В.А. Твардовская. На первом заседании Группы с сообщением «Некоторые вопросы изучения истории общественного движения в России во второй половине XIX века» выступил Б.С. Другое сообщение – «Проблемы истории русского освободительного движения второй половины XIX века в зарубежной историографии» – сделал Е.Г. Плимак.

Так Б.С. сделался «главным народником» страны; дело было не только в формальной должности главы почти неформальной группы. Б.С. отнесся к новому делу с настоящим энтузиазмом, стал подлинным «мотором» Группы, заседания которой проходили регулярно, о них оповещались исследователи не только Москвы и Ленинграда, но и других вузовских центров страны. Исследователи специально приезжали на заседания Группы, советовались при выборе тем диссертаций, узнавали проблематику исследователей из других регионов, предлагали темы докладов. Случалось на заседаниях Группы выступать и зарубежным ученым. Так, в мае 1962 г. с докладом «Изучение русской общественной мысли в Англии и США» выступил известный американский историк Мартин Малиа¹.

На первом этапе деятельности Группы ее задача заключалась в объективном освещении развития общественного движения в пореформенной России. В терминологии того времени это звучало так: восстановить ленинскую оценку революционного народничества. Можно сколько угодно сейчас рассуждать о том, что историки «гвоздили» друг друга ленинскими цитатами, однако реалии были таковы, что без этого работы по истории революционного движения оставались просто «непроходимы». И, разумеется, рассуждая о вкладе историков, работавших в 1960-е – 1970-е гг. по теме истории революционного движения, надо отдать им должное прежде всего за то, что ими было сделано, нежели попрекать приверженностью к марксистско-ленинской методологии, как это делают некоторые нынешние «смельчаки», как будто прилетевшие на нашу грешную землю с другой планеты. Любопытно, что зарубежные историки, критикуя советских коллег за неизбежную заданность оценок по многим проблемам истории России, в особенности истории революционного движения, были более объективны, чем перестроечные и постперестроечные пу-

¹ См. текст доклада в фонде Б.С. Итенberга: ОР РГБ. Ф. 874. Оп. 3. Ед. хр. 5.

блицисты от истории, воздававшие должное историкам по ту сторону железного занавеса за их вполне конкретные и не зависящие от идеологии успехи.

А достижения Группы были весьма весомы. В том, что история революционного народничества относится к числу наиболее разработанных тем в отечественной историографии, несомненная заслуга историков, принимавших активное участие в ее деятельности и, разумеется, ее бессменного руководителя. Тематика докладов, заслушивавшихся на заседаниях Группы, была разнообразна и охватывала самые разные аспекты истории народничества. Из многих докладов выросли впоследствии солидные статьи, диссертации, монографии.

Перечислю лишь некоторые темы выступлений: «Проблема революции в мировоззрении революционеров 60-х годов» (Э.С. Виленская), «Основные этапы хождения в народ» (Р.В. Филиппов, Петрозаводск), «Проблема государства в идеологии народничества» (В.А. Твардовская), «Общественно-политическая деятельность Н.К. Михайловского» (М.Г. Седов), «П.Н. Ткачев о государстве и революции» (Г.С. Ульман, Львов), «Общественно-политические взгляды Г.З. Елисеева» (В.П. Лейкина-Свирская, Ленинград), «Московский съезд народников в 1875 г.» (Г.М. Лифшиц), «А.И. Ульянов и кружок кубанцев-донцов» (В.П. Крикунов, Грозный), «К. Маркс и Ф. Энгельс о “Народной воле”» (С.С. Волк, Ленинград), «К истории русско-польских революционных связей в 1871–1882 гг. (П.Л. Лавров и польские революционеры») (Е.К. Жигулов) и многие другие¹.

Обращает на себя внимание, что «наступление» на проблему велось «по всему фронту». Рассматривалась народническая идеология, деятельность отдельных организаций, персоналии. Заслушивались доклады и сообщения не только историков, но и философов, литератороведов. Так, к примеру, на одном из заседаний были заслушаны доклад Е.А. Таратуты «С.М. Кравчинский в Италии» и сообщение А.В. Храбровицкого «Последнее издание воспоминаний В.Г. Короленко “История моего современника”», т. е. Группа была не только «межрегиональной», но и «межрасовой».

Среди немалого числа монографий, подготовленных теми, кто по возможности регулярно участвовал в заседаниях Группы, назову лишь те, которые принадлежали сотрудникам Института и вышли в период ее деятельности: «Революционное подполье в России (1860-е годы XIX в.)» (1965) и «Худяков» (1969) Э.С. Виленской, «Голос ре-

¹ См. перечень докладов, прочитанных на заседаниях Группы в кн.: Борис Самуилович Итенберг: Научная деятельность. М., 2002. С. 49–56. Стенограммы некоторых заседаний и значительного числа докладов в личном фонде Б.С. в ОР РГБ: Ф. 874. Оп. 2. Д. 23–25; Оп. 3. Д. 1–21.

воловионной России» (1971) В.Ф. Захариной, «Социалистическая мысль на рубеже 1870–1880-х годов» (1969) В.А. Твардовской. Что же касается самого Бориса Самуиловича, то он взялся за проблему «хождения в народ», что определило характер его работы на несколько лет. Как всегда, он шел от фактов к обобщениям, стремился изучить «всю совокупность» фактов. Главной заботой стало изучение целых кубометров дел, хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Это были многочисленные материалы двух крупнейших процессов народников-пропагандистов – «50-ти» и «193-х», впитавших в себя результаты дознания в различных районах России. Тысячи протоколов допросов революционеров-народников и крестьян, документы, принадлежавшие первым рядовым участникам движения, бумаги, отобранные у арестованных революционеров (рефераты, дневники, переписка, записные книжки, конспекты произведений Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.-Ж. Прудона, Ф. Лассала и других «властителей дум» семидесятников), – все это предстояло осмыслить и в конечном итоге раскрыть особенности крупнейшего российского революционно-демократического движения.

«Признаюсь, – вспоминал Б.С., – что обилие материала меня просто подавляло». Ему была ясна самостоятельная ценность выявленных источников; постепенно вызрела мысль об их специальном издании. Б.С. выступил с инициативой, поддержанной многими историками, об издании двух томов документов, архивных и опубликованных, посвященных революционному народничеству 1870-х гг. В 1964–1965 гг. этот двухтомный (по 35 п. л. каждый) труд вышел из печати¹. Он включал наиболее ценные архивные материалы, а также републикацию важнейших, но давно ставших библиографической редкостью программных и некоторых других документов, отражающих основные этапы движения революционного народничества 1870-х – начала 1880-х гг.

Это издание в известном смысле восстанавливало «распавшуюся» в середине 1930-х – середине 1950-х гг. «связь времен». После выхода в начале 1930-х гг. таких изданий, как «Литература партии “Народной воли”» (М., 1930) и «Архив “Земли и воли” и “Народной воли”» (М., 1932), публикация документальных сборников по истории народничества прекратилась. Более чем через тридцать лет изданием двухтомника эта работа возобновлялась; в то же время по широте и разнообразию представленного материала, а также по образцовой

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сборник документов и материалов: В 2 т. М.; Л., 1964–1965.

археографической подготовке двухтомник значительно превосходил документальные издания 1920-х – 1930-х гг. В редакцию, наряду с Б.С., вошли ленинградские историки С.Н. Валк, С.С. Волк и Ш.М. Левин. Б.С. был также ответственным редактором первого тома.

Это фундаментальное издание значительно облегчало работу по изучению революционного народничества – темы, долгие годы являвшейся почти запретной для подлинного научного исследования. В особенности же двухтомник был полезен преподавателям и студентам высшей школы; во многих университетах и пединститутах начали читаться спецкурсы, посвященные различным аспектам истории революционного народничества, и такое собрание первоисточников было поистине незаменимо для учебных целей. Добавлю, что двухтомник, вышедший ограниченным тиражом, давно стал библиографической редкостью и, на наш взгляд, заслуживает переиздания.

В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. Б.С. опубликовал в различных журналах и сборниках ряд статей, посвященных истории революционного народничества, брошюры об Александре Ульянове (1957, в соавторстве с А.Я. Черняком) и об одном из видных деятелей эпохи «хождения в народ» Дмитрии Рогачеве (1960). Все это, как и работа над публикацией документальных материалов, было подготовлено к главной, на наш взгляд, книге Б.С. – «Движение революционного народничества». Случилось так, что подготовленная в основном книга лежала без движения; руководство Института не торопилось дать добро на ее издание. Тема народничества оставалась достаточно острой; традиционного для советской историографии «единства взглядов» достичь по этой проблеме не удалось.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. на страницах журналов «Вопросы литературы» и «История СССР» состоялась дискуссия о народничестве; в центре спора было соотношение революционно-демократического (к которому принято было относить движение 1860-х гг.) и народнического этапов революционного движения в России. Б.С., как и другие «народники», отстаивал единство идеологии и преемственность российского революционного движения. Иных взглядов придерживались историки, входившие в возглавляемую М.В. Нечкиной Группу по изучению первой революционной ситуации. Они противопоставляли революционных демократов народникам; считали, что на народническом этапе происходит «понижение» идеиного уровня движения, своеобразный регресс революционной мысли. Дискуссия, «победителей» в которой не оказалось, способствовала «реабилитации» народничества, стимулировала исследовательскую работу.

В марте 1966 г. в Институте истории была проведена новая дискуссия – о внутренней периодизации освободительного движения

в России; по разные стороны «барьера» оказались участники групп по изучению первой революционной ситуации и общественного движения в пореформенной России. Сопредседателями были акад. Нечкина и Б.С.; в качестве докладчиков стороны выставили, соответственно, А.Ф. Смирнова и Н.А. Троицкого. Дискуссия, носившая достаточно острый характер, с одной стороны, выявила много нерешенных и спорных проблем; с другой, постепенно начало формироваться согласие в том, что разночинскому периоду освободительного движения в России свойственно в целом единство идеологии, и этой идеологией была народническая идеология, основы которой заложили А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский; дальнейшее развитие она получила в трудах П.Л. Лаврова, М.А. Баунина, П.Н. Ткачева, Н.К. Михайловского¹.

Интерес к народничеству был велик не только среди советских историков, но и за рубежом. В 1958 г. выходит книга американского историка Джеймса Биллингтона «Михайловский и русское народничество»². В 1960-м была издана в переводе на английский язык, что сделало ее широко известной, монография итальянского историка Франко Вентури «Корни революции»³, посвященная истории революционного народничества (на итальянском книга вышла в 1952 г.). Биллингтон, откликнувшись на англоязычное издание книги Вентури рецензией, писал, что она «свободнее от посторонних догматических проповедей, чем важные монографические труды таких советских ученых, как Козымин, Волк, Итенберг и Левин». Отметив, что после XX съезда КПСС в Советском Союзе проводятся регулярные встречи ученых для выработки «согласованной концепции истории революционного движения XIX века», Биллингтон далее писал, что в стране еще имеются «идеологические трудности», так как «давно объявленная работа Итенberга о “хождении в народ” 1874 г.» еще не опубликована⁴.

Любопытно, что Б.С. стало известно об этой рецензии лишь два года спустя; он решил довести ее содержание до сведения тогдашнего директора Института В.М. Хвостова, надеясь таким образом ускорить публикацию монографии, которая по-прежнему не попадала

¹ Подробнее см.: Вандалковская М.Г., Колесниченко Д.А. Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа освободительного движения в России // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 107–134; Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 101–107.

² Billington J. Mikhaylovsky and Russian Populism. Oxford University Press, 1958.

³ Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. N.Y., 1960.

⁴ Russian Review. July 1961. Vol. 20. No. 3. P. 254–255.

в план выпуска. Придя на прием, Б.С. в двух словах объяснил цель своего визита и вручил Хвостову выдержку из текста рецензии Биллингтона. С каменным лицом Хвостов прочитал текст, а затем холодным тоном заявил визитеру: «Ну, знаете, мы как-нибудь будем жить своим умом, а не умом какого-то американского рецензента». Обескураженный Б.С. вышел из кабинета, проклиная себя за наивный поступок. Кто бы мог подумать, что несколько дней спустя на заседании редакционно-издательского совета В.М. Хвостов предложит включить в план выпуска 1965 г. монографию Б.С.!

Таким образом, сам того не ведая, будущий автор «Иконы и топора», «Пожара ума» и директор Библиотеки Конгресса Джеймс Биллингтон каким-то образом подтолкнул весьма расчетливого и «идеологически выдержанного» В.М. Хвостова к «продвижению» книги о русском народничестве.

В 1965 г. книга объемом в 24 п. л. вышла из печати¹. Значение книги довольно точно охарактеризовал Н.А. Троицкий в личном письме к Б.С.: «Работа на редкость обстоятельная и, главное, очень своевременная. Тот вакуум, который мозолил нам глаза на одном из самых видных мест в историографии народничества (“хождение в народ”), теперь заполнен мастерски»². Троицкий был не из тех людей, которые раздают комплименты «по дружбе». В цитированном письме содержатся и критические замечания, да и вообще в переписке Б.С. и Н.А. оценки трудам друг друга давались «по гамбургскому счету». В год выхода монографии о «хождении в народ» Б.С. стал старшим научным сотрудником, а в 1966-м защитил докторскую диссертацию на тему «Движение революционного народничества». В этом же году была издана написанная им в соавторстве с А.Я. Черняком книга «Жизнь Александра Ульянова» (8 п. л.). Если учесть, что в 1964 г. Б.С. опубликовал монографию «Первый Интернационал и революционная Россия» (12 п. л.), то его научной продуктивности остается только удивляться.

Поскольку я упомянул книгу Б.С. о Первом Интернационале и России, уместно будет сказать, что с начала 1960-х гг. определилась еще одна «сквозная» тема в творчестве Б.С., которую можно было бы условно определить как «Россия и Запад». Поначалу Б.С. интересовали преимущественно влияние западных революционных идей на российское революционное движение, а также участие русских революционеров в революционном движении на Западе; затем определя-

¹ Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. 443 с.

² Н.А. Троицкий – Б.С. Итенбергу, 20.11.1965 // ОР РГБ. Ф. 874. Оп. 6. Ед. хр. 18. Л. 4.

ется и еще один аспект темы – восприятие происходивших на Западе социальных катаклизмов в России, отражение их на страницах печати, причем не только революционной, но и либеральной.

В 1961 г. он пишет три главы для 2-го тома коллективного труда «Парижская коммуна»: «Парижская коммуна в освещении русской либеральной печати 1871 года», «Русские революционеры – участники Парижской коммуны», «Влияние Коммуны на революционное движение в России»; в 1965-м во 2-ю часть коллективного труда «Первый Интернационал» включена написанная им глава «Интернационал и революционное движение в России»; в 1971-м, юбилейном, году в очередную коллективную «Историю Парижской Коммуны 1871 года» включен принадлежавший ему раздел «Россия и Парижская Коммуна». В том же году Б.С. выпускает одноименную монографию объемом 11 п. л.

Нетрудно заметить, что внимание Б.С. привлекают прежде всего русско-французские отношения и связи. Перечисленные выше работы уступают, на мой взгляд, написанной «для души» книге «Россия и Великая французская революция» (М., 1988). Книга, вышедшая к 200-летию Великой Французской революции, состоит из отдельных очерков, отражающих ее восприятие в России, с конца XVIII столетия вплоть до революции 1905–1907 гг. Б.С. рассмотрел реакцию на Французскую революцию российских монархов, различных поколений русских революционеров. В книгу вошли также историографический очерк о магистерской диссертации Н.И. Кареева, посвященной крестьянскому вопросу во Франции в период революции, и, на наш взгляд, наиболее интересный – «книговедческий» этюд о восприятии в России знаменитой книги Ипполита Тэна «Происхождение современной Франции».

Однако вернемся к далеко не исчерпанному «народническому» сюжету. Следующим «увлечением» Б.С. (ибо одним из его свойств как исследователя являлась способность увлекаться предметом изучения, испытывать настоящий исследовательский азарт) надолго стал П.Л. Лавров. После публикации ряда статей об одном из духовных отцов народничества и – шире – русской революционной интелигенции Б.С. в соавторстве с А.И. Володиным выпускает в серии «Жизнь замечательных людей» биографию Лаврова (М., 1981). Однако, не удовольствовавшись этим, Б.С. продолжает работу над темой и в 1988 г. издает монографию «П.Л. Лавров в русском революционном движении», где впервые с такой полнотой были исследованы взаимоотношения Лаврова с революционным подпольем в России.

В «промежутке» между двумя книгами о Лаврове под руководством Б.С. была подготовлена капитальная коллективная монография (42,5 п. л.) «Россия в революционной ситуации на рубеже

1870–1880-х годов» (М., 1983). В известном смысле она подводила итог «трудам и дням» Группы по изучению общественного движения в пореформенной России. Б.С. был не только ответственным редактором этого издания, но и написал ряд разделов книги общим объемом 10 п. л.

Сама Группа к этому времени давно уже «приказала долго жить». В период идеологических гонений в конце 1960-х – начале 1970-х гг. на многих сотрудников Института истории, дерзнувших (вполне в рамках марксизма-ленинизма!) пересмотреть некоторые догмы, утвердившиеся в отечественной историографии и восходившие еще к «Краткому курсу», «заодно» ликвидировали и Группу по изучению общественного движения в пореформенной России. Предлог был найденным – Группа не предусмотрена структурой Института; скорее всего, это действительно полуформальное объединение ученых представилось какому-то партийному функционеру от науки потенциально опасным, и его предпочли «от греха подальше» ликвидировать.

Еще одна грань деятельности Б.С. – его научно-педагогическая работа. Под его руководством был подготовлен ряд кандидатских диссертаций. Автор этих строк имеет честь принадлежать к ученикам Б.С.; поэтому позволю себе поделиться некоторыми сугубо личными наблюдениями о Б.С. как научном руководителе. Он не навязывал тем своим аспирантам; он считал, что работа пойдет лучше, если будет совпадать с внутренним, личным интересом исследователя. В то же время ему был свойствен pragmatism, четкое представление о том, какая тема является «диссертабельной», а какая нет. Когда мы с Б.С. обсуждали проблематику будущей диссертации (дело было в 1984 г.), я предложил тему, по которой у меня уже были кое-какие наработки: «Тerrorизм в системе борьбы “Народной воли”». Борис Самуилович пристально посмотрел на меня и сказал, четко артикулируя слова: «Молодой человек! Вам кан-ди-датскую диссертацию защищать надо! Вы что, с ума сошли? Какой терроризм!» Мудрый Б.С. знал, о чем говорил. Россия могла быть родиной слов, но не терроризма. Во многом можно обвинить советскую власть, но не в том, что она недооценивала историю. Что там терроризм! Проблемы датировки «Слова о полку Игореве» или переписки Ивана Грозного с Андреем Курbsким вызывали пристальный интерес и соответствующие действия контролирующих историческую науку органов. В конечном счете мы с Б.С. сошлись на «Истории изучения “Народной воли” в конце XIX – начале XX в.». Одно из центральных мест в работе занимала полемика по поводу народовольческого террора. Впоследствии мне досталось от учителя, когда я «позволил» уже своему аспиранту избрать для кандидатской диссертации достаточно спор-

ную тему. «Ведь это же кандидатская диссертация, – выговаривал он мне, – тема должна быть ясна, как дважды два».

В то же время Б.С. ни в коей степени не стеснял своих аспирантов в ходе работы и не «довлел» над ними, ненавязчиво поправляя в тех случаях, когда это было необходимо. При первой же нашей встрече после назначения Б.С. моим научным руководителем он строго сказал: «Диссертацию каждый пишет сам!» Меня это несколько удивило: а как же иначе? Потом, уже будучи сам научным руководителем, я понял, что Б.С. имел в виду. Как бы то ни было, в положенный срок я принес Б.С. законченную диссертацию, что его, надо сказать, удивило. По тексту у него возникло, помнится, два вопроса, касавшихся отношения к терроризму Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. Впоследствии Б.С. неоднократно публично заявлял, что ничему он меня не учил; это относилось и к кандидатской диссертации, и к докторской, по коей он был консультантом.

Конечно, дело обстояло совершенно не так. Учить и учиться можно по-разному: Б.С., действительно, не правил мои тексты, не давал указаний, куда пойти и что посмотреть. Однако разговоры с учителем на профессиональные темы были чрезвычайно полезными, и я почерпнул из них очень много. Не говоря уже о «личном примере». Принцип «делай как я» хорошо работает иногда не только в армии, но и в научной работе. А исследователем Б.С. был просто образцовым: профессиональным, честным и азартным. Б.С. был трудоголиком. В ходе любого разговора по телефону, и в те времена, когда нас связывали «официальные» отношения, и после, он неизменно спрашивал: «Что Вы сейчас пишете?» или «Над чем Вы сейчас работаете?». Б.С. просто представить себе не мог, что бывает иначе.

Я познакомился с Б.С. за несколько лет до поступления в заочную аспирантуру Института истории СССР АН СССР, в 1979 или 1980 г. Тогда я жил в Ростове-на-Дону, где не было специалистов по истории народничества, занимался изучением революционного терроризма «самостоятельно», совершая время от времени набеги на московские и ленинградские архивы и библиотеки. Для того чтобы продолжить эти занятия в «институализированной» форме, надо было найти научного руководителя. По рекомендации одного из моих старших коллег Б.С. согласился со мной встретиться и пригласил к себе домой. Б.С. жил в небольшой 3-комнатной квартире на 9-м этаже «брежневской» 9-этажки недалеко от станции метро «Рязанский проспект». Одна из комнат была отведена под кабинет. Вдоль всей левой стены стояли книжные полки. Впрочем, книжные полки начинались с прихожей, но на полках в кабинете стояли настоящие сокровища! Полный комплект «Каторги и ссылки»! Полный комплект «Голоса минувшего»! Почти полный комплект «Былого», в том числе

заграничного! Сотни редчайших изданий конца XIX – первой половины XX в. по истории общественного движения в России. Это была моя воплощенная мечта. Добавлю, что я был в то время фанатичным библиофилом, пытался, среди прочего, собрать комплект «Былого» и вообще был увлечен историей деятельности основателя «Былого» В.Л. Бурцева и его изданий. Мы говорили с Б.С. немножко об истории народничества и много о книгах, о московских и ленинградских букинистах.

На прощание Б.С. подал мне пальто! Я пытался как-то избежать этой его любезности, но Б.С. сказал, что пальто подают не только женщинам, это простая вежливость. В общем, Б.С. меня совершенно очаровал. И когда в 1984 г. я успешно (на все «пятерки») сдал вступительные экзамены в заочную аспирантуру Института истории СССР, ни о ком другом в качестве научного руководителя я и думать не хотел. Между тем как раз в это время Б.С. перенес операцию по поводу язвы желудка, и, хотя его уже выписали из больницы, на работу он, понятное дело, не ходил и никакого энтузиазма относительно научного руководства не проявил. А в отделе аспирантуры мне дали ясно понять, что, несмотря на успешно сданные экзамены, без научного руководителя говорить об аспирантуре не приходится. Не без сложностей, но согласие Б.С. было получено, и мое «прикрепление» к нему состоялось. Хочу надеяться, что он об этом не пожалел.

Одним из ключевых в лексиконе Б.С. было слово «порядочность». Это касалось и обыденной жизни, и науки. Он очень хорошо разбирался в людях. Был очень корректен и призывал к этому других. Приведу один характерный случай. Н.А. Троицкий, которого Б.С. всячески поддерживал и с которым состоял в регулярной переписке, написал резкое письмо одному ленинградскому коллеге, представившему, по мнению Николая Алексеевича, сомнительный отзыв на его докторскую диссертацию¹. Б.С., которого ознакомили с содержанием письма и который вполне мог остаться в стороне, счел долгом «на правах старшего товарища» написать Троицкому о том, что такая реакция не делает ему чести: «Правда, ленинградский отзыв, с которым я целиком познакомился, написан очень сдержанно, в нем есть утверждения, с которыми я не согласен. Не согласны, разумеется, и Вы. Но это не дает Вам право делать неприятности тому, кто взял на себя труд оценить Ваше исследование.

Вы меня простите, Николай Алексеевич, что я так прямо Вам пишу. Я делаю это из самых лучших побуждений: Вы стали крупным

¹ Б.С. был одним из оппонентов при защите Н.А. Троицким докторской диссертации.

исследователем, имеете имя в науке и не должны допускать подобных жестов»¹.

Обычно резкий и не склонный признавать свои ошибки, во всяком случае судя по переписке, Николай Алексеевич отзывался так, как и «положено» настоящему интеллигенту: «Разумеется, глупо и некрасиво... Вам за письмо – спасибо. Оно помогает мне извлечь хороший урок из случившегося»².

Корректность не означала терпимости Б.С. к разного рода гнусностям или поведению, выходящему за пределы порядочности. Б.С. не был диссидентом, но его отношение к происходящему в стране и научном сообществе в период «позднего застоя» было вполне определенным. Помнится, однажды, прочитав пасквиль Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», я сказал Б.С. приблизительно следующее: «Ну ладно, еще можно понять, что он “разоблачает” Сахарова и Солженицына, но к чему он приплел Джорджа Кеннана-старшего (автора “Сибири и ссылки”, резко критиковавшего царский режим)? Те, кто давал Яковлеву задание, вряд ли подозревали о существовании Кеннана, так что это его инициатива». Б.С. отреагировал: «Что Вы всякое дерньмо читаете? Работать надо, а все это – пройдет». Относительно сущности текста он был, безусловно, прав, а вот в том, что «все это» пройдет, увы, ошибся.

В другой раз я высказал недоумение, как С.С. Волк, соредактор Б.С. по 2-томной публикации материалов по истории революционного народничества и автор, при всей спорности некоторых его оценок, вполне серьезной монографии о «Народной воле», может публиковать «разоблачительные» статьи о трудах своих коллег в «Коммунисте» и тому подобных изданиях. Б.С. лаконично заметил: «Стёпа не может не стукнуть»³.

Особый сюжет – взаимоотношения Б.С. с зарубежными историками, многие из которых были «прикреплены» к нему в качестве стажеров. Среди них исследователи из США, Швейцарии, Югославии, Японии. Одним из первых стал аспирант Вашингтонского университета из Сиэттла А. Кимбалл, который готовил диссертацию на тему «Идеи и политическая деятельность П.Л. Лаврова»; он написал Б.С.

¹ Б.С. Итенберг – Н.А. Троицкому, 07.12.1972 // ОР РГБ. Ф. 874. Оп. 6. Ед. хр. 18. Л. 16–16 об.

² Н.А. Троицкий – Б.С. Итенбергу, 12.02.1972 // Там же. Л. 15.

³ В этом отношении С.С. Волк отличился еще будучи студентом. В период «борьбы с космополитизмом» он напечатал в газете «Ленинградский университет» (20 апреля 1949) статью под названием «За партийность исторической науки», в которой обличал своих преподавателей в космополитизме и буржуазном объективизме. См. перепечатку этой статьи в кн.: Одиссей 2007. М., 2007. С. 351–353.

из Амстердама, где в течение года изучал документы Лаврова в Архиве социальной истории. Теперь он собирался в Москву и просил Б.С. помочь получить доступ в архивы. Между делом Кимбалл сообщал, что до приезда в Москву собирается поработать в библиотеках Парижа, Цюриха и Лондона, т. е. в центрах, где протекала деятельность Лаврова. Б.С. было над чем задуматься! Одному из ведущих в мире специалистов по истории народничества и мечтать не приходилось о таких возможностях для исследовательской работы, как у аспиранта американского университета.

В 1965 г. Кимбалл приехал в Москву; Б.С., конечно, оказал ему возможную помощь; впоследствии они время от времени переписывались. С Кимбаллом у Б.С. связана одна полукомическая история, характерная для нравов 1970-х гг. К нему обратился заведующий отделением истории университета штата Орегон проф. Ф. Бирн с просьбой дать отзыв о трудах Кимбалла. Дело для американской университетской системы обычное – после нескольких лет работы преподаватель подвергается суровому испытанию: в течение года придирчивая комиссия изучает его труды, его занятия регулярно посещаются представителями университетской администрации, запрашиваются мнения специалистов в его области о трудах «испытуемого»; собранный материал оценивается, и преподаватель или получает постоянную работу до пенсии или увольняется. В обращении к зарубежному коллеге не было, таким образом, ничего необычного.

Б.С., после консультаций с администрацией Института, предпочел «отписаться»; такая же история приключилась у него позже с другим американским историком, Ф. Помпером. А, собственно, как должен был характеризовать американских коллег, неизменно включавшихся в списки «фальсификаторов», советский историк?

Из американских историков наиболее длительные и устойчивые отношения у Б.С. сложились с Николаем Валентиновичем Рязановским, профессором университета Беркли (Калифорния). Рязановский – один из самых известных американских славистов, автор нескольких капитальных монографий по истории России XIX в. и, пожалуй, самого популярного в США университетского учебника по русской истории, толстенного тома, выдержавшего несколько изданий. Несмотря на разницу в мировоззрении, не говоря о методологии, ученыe находили точки соприкосновения; вообще, по моим наблюдениям, заграничные историки умели отделять зерна от плевел, ценя в творчестве советских коллег то, что не зависело от неизбежных идеологических (вынужденных или искренних) реверансов – свежесть идей и новое знание. Если, конечно, таковые имелись.

Например, Рязановский, работая над своей известной книгой «Образ Петра Великого в русской историографии и мысли», в одном

из писем к Б.С. высоко оценивал труды российских специалистов по петровской эпохе – Н.И. Павленко и других – и спрашивал Б.С. об оценках народниками и другими российскими радикалами деятельности Петра. Нередко Рязановский рекомендовал Б.С. своих американских коллег, собирающихся в Россию, заканчивая такого рода письма неизменным «прошу любить и жаловать».

Совершенно неожиданно автору этих строк пришлось воспользоваться вместо Б.С. любезностью и гостеприимством Николая Валентиновича. В 1994–1995 гг. мне посчастливилось поработать в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета, который находится в часе езды на машине от Беркли. Б.С. передал мне письмо для Рязановского (письма в то время шли из России в США весьма долго, да и не всегда доходили); в этом письме Б.С., среди прочего, рекомендовал Николаю Валентиновичу своего ученика, заканчивая письмо, конечно же, фразой «прошу любить и жаловать». Я не счел корректным «навязываться» Н.В., а просто переслал ему письмо Бориса Самуиловича по почте, не сообщая ни своего американского адреса, ни телефона. Каково же было мое удивление, когда буквально через пару дней в архив позвонил из Беркли Рязановский и пригласил меня к телефону; ему, конечно, не составило труда «вычислить», где можно разыскать российского историка. Он пригласил меня в Беркли и там за обедом рассказывал много любопытного, в том числе об общении с российскими историками, из которых особенно ценил П.А. Зайончковского. Разумеется, это лестное приглашение было дано уважения Б.С., и, образно говоря, те вкуснейшие блюда, которыми потчевал меня за обедом Рязановский, предназначались ему.

Однако, на мой взгляд, самым любимым зарубежным учеником-стажером Б.С. стал японский славист Тэрухиро Сасаки, который в то время преподавал в университете Сайтама, Токио. Осенью 1979 г. Б.С. получил от него письмо, в котором молодой ученый сообщал, что занимается Лавровым, защитил о нем диссертацию, опубликовал ряд статей; теперь Сасаки собирался в Москву и просил Б.С. дать согласие быть его научным руководителем во время стажировки в Институте истории СССР.

Японский «лаврист» превзошел все ожидания Б.С.; он прекрасно говорил по-русски, отлично ориентировался в проблеме, имел собственную точку зрения, которую вежливо, но твердо отстаивал. Впоследствии, кстати, Сасаки стал преподавать не только русскую историю, но также язык и литературу; им написан один из самых популярных в Японии учебников русского языка. В ожидании разрешения на допуск в архивы Б.С., полагая, что для изучения рукописей Лаврова нужна специальная подготовка, вручил Сасаки фотокопии его автографов. Через два дня он, как опытный педагог, решил про-

верить «домашнее задание». Каково же было удивление Б.С., когда выяснилось, что Сасаки точно «расшифровал» текст Лаврова; более того, был составлен специальный алфавит особенностей почерка Лаврова. Так что впоследствии работа в архиве над рукописями Лаврова не представляла для Сасаки особого труда.

Еще один любопытный штрих для характеристики нравов тех времен: в соответствующих «инстанциях» Б.С. не рекомендовали приглашать своего стажера к себе домой. Кто бы мог подумать, что в 1991 г. Б.С. будет читать лекции в Японии на темы «Истоки, смысл и крах большевизма в России», «Развал СССР и будущее России», «Современное положение России глазами историка». Лекции были прочитаны в Токийском университете, а также университетах Сайтама и Хитоцубаси. Пригласил Б.С. университет Сайтама; поездка была организована благодаря его бывшим стажерам профессору Токийского университета Харуки Вада и Тэрухиро Сасаки. Лекции Б.С. вызвали большой интерес; на них съехалась «вся славистическая Япония». Лекции отнюдь не были синекурой: слушатели задавали множество вопросов, напряженное общение с коллегами продолжалось по три часа. Японских историков интересовали, конечно, не только проблемы современности; приходилось отвечать и на вопросы «по профилю», в том числе, к примеру, такие: «Почему идеи А.И. Герцена, отрицающие насилие, не укоренились в общественном движении России?», «Не является ли тяга современных российских историков к проблемам либерализма модой?», «Народовольцы, участники покушения 1 марта 1881 г., - преступники или герои?» и т. п.

Год спустя Б.С. подготовил совместно с Сасаки доклад «Братья Кропоткины и Петр Лавров», прочитанный на международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина, а затем опубликованный в виде статьи в журнале «Отечественная история» (1994, № 4–5, с. 79–93).

«Послужной список» Б.С. будет неполон без упоминания о его выступлениях на международных научных конференциях. Получилось так, что его научные интересы «пересеклись» с интересами ученых двух европейских стран – Италии, славящейся сильной школой историков, изучающих русское революционное движение, в особенности революционное народничество, и Франции, влиянию революционных традиций которой на российское революционное движение и общество Б.С. посвятил несколько книг и статей. В ноябре 1964 г. в Париже состоялась конференция, посвященная столетию Первого Интернационала. Б.С. принял в ней участие заочно; поехать не удалось, но его доклад «Первый Интернационал и революционное движение в России» был на конференции прочитан, а затем опубликован в переводе на французский язык.

Вторично в Европе (если считать первым посещением выезд в Германию в 1945 г. на бронепоезде) Б.С. пришлось побывать 21 год спустя – в мае 1966 г. в Риме состоялась встреча итальянских и советских историков по проблеме «Русско-итальянские взаимоотношения в XVIII–XIX вв.». Б.С. выступил с докладом «Завершающий этап воссоединения Италии в оценке легальной и подпольной печати России». Затем более чем на двадцать лет он опять стал «невыездным». Зато в 1989 г., когда отмечалось 200-летие Великой французской революции, Б.С. дважды выступал с докладами на различных конференциях во Франции. Сначала была «генеральная репетиция» в Страсбурге, где решили вспомнить о том, как мир реагировал на столетний юбилей революции. Доклад Б.С. соответственно теме конференции назывался «Россия и столетие Великой французской революции».

В июле в Париже состоялся международный конгресс, посвященный уже собственно 200-летнему юбилею. Тема доклада Б.С. – «Российская общественность и книга Ипполита Тэна о Французской революции конца XVIII в.». На открытии конгресса с приветственным словом перед историками выступил президент Франции Ф. Миттеран. Будучи в Париже, Б.С. смог, наконец, посетить могилу своего главного героя, П.Л. Лаврова, на кладбище Монпарнас.

Среди других конференций Б.С. особенно выделял две, состоявшиеся в 1994 г. в Москве, – в апреле встречу российских и итальянских историков, на которой он выступил с докладом «Реформы в России и Запад – век XIX», и в сентябре международную конференцию, посвященную 90-летию со дня рождения П.А. Зайончковского. Б.С. был сопредседателем этой конференции вместе с другим бывшим аспирантом Петра Андреевича – известным американским историком, профессором Стэнфордского университета Теренсом Эммонсом. Б.С. выступил с воспоминаниями «50 лет с учителем».

Еще один сюжет, который необходимо затронуть, – «взаимоотношения» Б.С. с Марксом, и шире – с марксизмом, принявшим на российской почве обличье «марксизма-ленинизма». Б.С. был человеком своего времени и, как большинство советских историков, искренне верил в непогрешимость марксистско-ленинского учения. В 1932 г. он вступил в комсомол, в 1946-м – в Коммунистическую партию и не сомневался в истинности идей, которыми она руководствовалась. Сомнения в непогрешимости коммунистической доктрины в ее советском обличье стали у него зарождаться после XX съезда КПСС. Однако это для него, как и для большинства «шестидесятников», означало возвращение к истинному, «очищенному» от сталинских наслойений учению Маркса и Ленина.

Б.С. написал несколько работ, в которых затрагивались взгляды классиков, а также их взаимоотношения с русскими революционерами. По-видимому, первые серьезные сомнения в справедливости учения о революционном преобразовании мира стали зарождаться у него в 1970-е гг. Не мог не произвести на Б.С. впечатления и духовный перелом, произошедший с его учителем П.А. Зайончковским, который также в 1940-х – начале 1950-х гг. был верным «ленинцем-сталинцем». Теперь П.А. обратился к православным ценностям; он неоднократно говорил Б.С., что вставляет в свои работы ленинские цитаты лишь по необходимости. Б.С. признавался, что тогда не мог этого воспринять.

Однако не свидетельствуют ли призывы Б.С. еще середины 1960-х гг. изучать историю либерализма о поисках альтернативы революционному движению? Б.С. запомнился эпизод, относящийся к концу 1970-х, когда Зайончковский, вернувшись из поездки в Ленинград, рассказывал ему, что в запасниках Эрмитажа сохранился окровавленный мундир Александра II, в котором он был 1 марта 1881 г. «Вот к чему приводят насилие. Это все ваши народники, которых Вы с В.А. Твардовской изучаете», – с гневом выговаривал Б.С. его учитель¹.

Освободился Б.С. от обязательных для советских историков догм, как и большинство его коллег, во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Однако преодоление идеологического наследия прошлого вовсе не означало для него нигилистического отношения к теории Маркса, так же как и к его личности. Теперь, считал Б.С., пришло время объективно разобраться в причинах столь длительного влияния марксизма на русское общественное движение; он неоднократно в моем присутствии досадовал на то, что историки избегают тем по истории освободительного движения, хотя именно сейчас, наконец, существует возможность писать объективно и без оглядки на идеологические инстанции. ¹

В 1992 г. Б.С. после 35 лет «беспорочной службы» в Институте истории / Институте истории СССР (после падения советской власти и распада СССР переименованном в Институт российской истории) был переведен на полставки на должность «ведущего научного сотрудника – консультанта»². Это было сделано в рамках «омоложения кадров» ИРИ РАН (ведь Б.С. в 1991 г. исполнилось 70) и, очевидно, с целью экономии средств. Мера, надо сказать, не только не-

¹ Итенберг Б.С. Полвека с учителем. С. 104–105.

² Научный архив ИРИ РАН. Личное дело Б.С. Итенberга.

этичная, но и нелепая. Ибо об ученых надо судить по их делам, а не по возрасту. Впрочем, это относится не только к ученым.

Можно было бы написать, что в последующее десятилетие Б.С. переживал творческий подъем, если бы то, что принято называть «подъемом», т. е. высокая научная продуктивность, не наблюдалось у него на протяжении полувека. В 1990-е гг. Б.С. были написаны две монографии: «Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?» (М., 1999, в соавторстве с В.А. Твардовской), в которой рассказывается о восприятии российскими интеллигентами учения Маркса и его личности. Отдельные главы посвящены взаимоотношениям с Марксом А.И. Герцена, М.А. Бакунина, П.В. Анненкова и др. Другая книга – «Российская интеллигенция и Запад» (М., 1999) – посвящена восприятию западных идей, и шире – западной цивилизации, деятелями русского общественного движения XIX столетия.

При этом учитель регулярно «официально» заявлял мне, что более ни за что крупное братьсяя не будет! А я столь же регулярно иронизировал по этому поводу.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Б.С. занялся историей русского либерализма; как говорилось выше, это было не данью «веяниям времени», а давно сформулированной задачей. В 1990 г. под редакцией Б.С. вышел сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Б.П. Козьмина, «Революционеры и либералы России» (М.: Наука), в статьях которого рассматривалась одна из ключевых проблем российского общественного движения – взаимоотношения либералов и революционеров. В 2001 г. под редакцией Б.С. и В.В. Шелохаева вышел из печати объемистый сборник «Российские либералы» (М.: РОССПЭН), в который включены биографические очерки о 17 деятелях русского либерализма, от А.И. Тургенева до Павла Д. Долгорукова. Перу Б.С. в этом сборнике принадлежит очерк о Н.А. Белоголовом.

С огромным увлечением Б.С. работал над совместным с В.А. Твардовской проектом – документированным изданием «М.Т. Лорис-Меликов и его современники», открывавшимся, естественно, биографией Лорис-Меликова. Б.С. с азартом рассказывал об архивных находках, о сведениях, обнаруженных в редчайших газетах, выходивших на Кавказе во времена Лорис-Меликова, ежедневно ездил то в ГА РФ, то «к черту на кулички» – с Рязанского проспекта в газетный зал «Ленинки» в Химках. Прекрасно изданный «Центрполиграфом» внушительный том (685 страниц!) вышел в свет в 2004 г. и быстро разошелся, так что потребовался дополнительный тираж.

Б.С. был человеком увлекающимся и, в отличие от большинства собратьев по историческому цеху, готовым братьсяя за новые темы, далекие от проблематики прежних исследований. Когда я затеял

ежегодник «Архив еврейской истории» и предложил Б.С. что-нибудь написать для 1-го тома, он сначала отнекивался, говоря, что этой темой никогда не занимался. А потом представил отличную статью «“Говорят, он из жидов”: Людвиг Бёрне, еврейский вопрос и русская литература XIX века»¹. Последним увлечением Б.С. была переписка А.Т. Твардовского и В.С. Гроссмана военного времени. Он собирался написать о ней статью. Увы, этим планам не суждено было сбыться...

В 2005 г. Б.С. перенес инсульт. Это прервало его работу «на полуслове». Восстановился он после инсульта далеко не полностью: резко ухудшилось зрение, что лишило его возможности работать. С памятью и вообще с интеллектом все было в порядке. Однако состояние здоровья в целом (и не только вследствие инсульта) оставляло желать лучшего. Б.С. философски отвечал на традиционные вопросы о здоровье: «по возрасту». Иногда, когда бывало совсем худо, говорил, что Б-г о нем забыл, подразумевая, что забыл его на земле. Несмотря ни на что, Б.С. следил за текущей политикой, регулярно слушал радио, преимущественно «Эхо Москвы». Живо интересовался тем, что происходит в Институте и вообще в научной жизни. Как обычно, спрашивал, над чем работаю и что пишу. Б.С. был счастлив в семейной жизни: у них с Ниной Федоровной родились дочь (Ирина) и сын (Александр), потом на свет появились двое внуков и внутика, правнук и трое правнучек (некоторые, увы, уже после ухода из жизни Нины Федоровны). Б.С. очень радовался профессиональным успехам внуков, неизменно с гордостью о них рассказывал. 7-летняя правнучка Саша – левша, как и Б.С., однажды сказала: «Буду, как и дедушка Борис, писателем».

Разговоры по телефону с Б.С. становились все короче, нередко ограничиваясь приветствиями и благодарностью за звонок: говорить ему становилось все труднее. Когда я позвонил поздравить Б.С. с 95-летием, он оживился и сказал: «А?! 95! Не шутка! Какая там следующая дата?» Подразумевалось – юбилейная. Поздравить учителя со следующим днем рождения мне уже не пришло...

Борис Самуилович остался в моей, думаю, не только в моей, памяти как человек, у которого работа и увлечение были неразделимы. Как образец честного отношения к профессии. Наконец, как человек, который твердо знал, что такое «хорошо» и что такое «плохо». И не только знал – следовал в жизни принципам, которые считал верными.

¹ Архив еврейской истории / под ред. О.В. Будницкого. М., 2004. Т. 1. С. 89–109.

режима заставляют ее обратиться к любимым темам национальной интеллигенции: цене прогресса, исторической роли «единой мыслящей личности», долге перед народом и пр. Как в прошлом и настоящем интеллигенцию волнует проблема раскола, без преодоления которого невозможно не только создание демократического общества, но и развитие страны. Изданный сборник аализирует народнические идеи, которые способны сориентировать поиск ответов на современные вызовы.

III. ИЗ АРХИВА Б.С. ИТЕНБЕРГА

Б.С. ИТЕНБЕРГ. ПИСЬМА ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ, 1943–1945 гг.¹

Москва 9
Почтовый ящик 346
Зайцевой Н.Ф.²
надежная почта 45362
Итенбергу Б.С.

16.11.43.

Дорогая Нинуся!

На Москву выехал 15 ночью. Сейчас стоим на маленьком полуострове 50 км от Москвы. Сижу в мягком купе, только что тренировался стрелять из нагана. На улице сырья, снежная погода, капает с неба, но в вагоне тепло, сухо и уютно; в такой обстановке и ехать не хочется. Сегодня утром читал книжечку о Зое Космодемьянской, и вновь понравились места, которые она выписывала к себе в тетрадь. Человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и

Письма Б.С. военного времени сохранились в семейном архиве. Все письма – автографы, написаны рукой или карандашом. Сокращения, кроме общепринятых, расставлены в квадратных скобках. Благодарю за помощь в подготовке комментария Ирину Галину, дочь Б.С. Итенберга. О.В. Будницкий.

Нина Федоровна Зайцева (Итенберг) (1920–2010), жена Б.С., его соученица педагогическому институту им. Н.К. Крупской в Москве (в эвакуации Чкаловский педагогический институт). Позднее преподавала историю в школе для девочек, затем преподаватель истории в той же школе рабочей молодежи, в которой до 1957 г. рабо-